

ЛЕГЕНДЫ
ГЕРОЕВ И МАГИИ

ДЕНИС ЛУЖЕНСКИЙ · ДЕНИС ЛАПИЦКИЙ

ТЕНИ
ШАТТЕНБУРГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л83

Серия «Легенды героев и магии»

Художник обложки *Владимир Гурков*

Луженский, Денис Андреевич, Лапицкий, Денис Бронеславович
Л83 Тени Шаттенбурга / Денис Луженский, Денис Лапицкий. —
Москва: Издательство АСТ, 2016. — 509, [1] с. — (Легенды героев
и магии).

ISBN 978-5-17-098277-6

Шаттенбург — тихий городок. Кажется, кроме ежегодной осенней ярмарки, здесь никогда ничего не происходит. Но неожиданно убивают нескольких детей, и напуганные их страшной смертью жители взывают о помощи к императору. В Шаттенбург прибывают имперский посланник и монах-инквизитор. Сначала их больше заботит лояльность и чистота веры, но они вынуждены заняться расследованием: жуткие убийства продолжаются, и это — явно не дело рук человеческих.

Подписано в печать 10.06.16.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Денис Луженский, 2016
© Денис Лапицкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается всем тем, кто когда-то принял участие в одной форумной литературной игре, годы спустя вдохновившей нас на этот роман. С благодарностью к форумчанам сайта Архивы Кубикуса, которых мы знали под никами **totus**, **НикитА**, **godar**, **Дан**, **yesint**, **Аристарх Михалыч**, **Phantom**, **Velz**, **Aramits**, **FN-IN***

ПРОЛОГ

— Пауль, чур, тебе водить! — крикнула Альма.

— Только по-честному, а то ты небось подглядываешь! — едва не подпрыгивая от нетерпения, добавил Уве.

— Я не подглядываю, ты, рыжий дурень! Это вы прятаться не умеете!

— Ничего, сейчас так спрячемся — год не сыщешь! — скорчили одинаковые рожицы близнецы Гюнтер и Ганс. — Давай отворачивайся!

— Отворачивайся! — махнул рукой толстяк Петер.

— Ну ла-адно.

Стоило Паулю повернуться, друзья брызнули в стороны — затопотали, быстро удаляясь, легкие шаги, трава зашуршала. А водящий уперся носом в морщинистую дубовую кору и закрыл глаза.

Тили-зонг, тили-ли,
Полетели журавли,
Гадкие, как угорь,
Черные, как уголь,
Прилетят однажды в гости —
От тебя оставят кости.

И вовсе он не подглядывает. Просто он при... при-мет-ли-вый — вот. Да, точно: «лентяй, но приметливый» — это так Кривой Томас говорит, краснодеревщик, который Пауля на учебу взял. Только Паулю не очень-то нравится учиться: вот и сегодня сбежал.

А тут ребята: пошли, мол, в прятки играть! Все интереснее, чем в мастерской у Томаса разбирать деревяшки. Хелена, сестрица, само собой, как узнает, что он отлынивает от учебы, всыплет ему... Подумаешь! Не впервой небось!

Тили-ли, тили-дом,
Есть в реке черный сом,
Под корягой живет,
Ус свой длинный жует.
Кто в реке купаться станет,
Того сом на дно утянет.

Зря они сами всегда одни и те же места выбирают, чтобы прятаться! Тут и дурак запомнит. Рыжий Уве сейчас наверняка к ручью мчится — ему волю дай, он бы в этом ручье жить стал. Под берегом, рядом с молнией битым дубом, прямо среди корней есть пещерка — маленькая, только-только спрятаться-скрючиться. Уве в самой ее глубине под камушком хранит лесу из прочных жилок и крючки. Хорошие крючки, кованые, больших рыб таскать можно — вот Уве и таскает, рыбарь он знатный, весь в отца. Пауль давно его ухоронку нашел, но никому о том не сказал — зачем?

Тили-дом, тили-тис,
За кустом черный лис,
От хвоста до морды
Он чернее черта.
У дороги лис сидит,
За тобою он следит.

Альма — вот хоть на что спорь! — побежала к вырубке: там пней накорчеванных просто умереть сколько, среди них

хоть половина шаттенбургских ребят спрятаться может, и еще на половину другой половины место останется.

Тили-тис, тили-бом,
 Под горой черный гном,
 Копит золото в норе,
 Ворожит на заре.
 Если гном тебя поймает,
 Живым в землю закопает.

Петер лентяй, значит, далеко не побежит, где-то тут рядом будет прятаться — либо на дерево залезет, либо станет под выворотнем хорониться: в двух шагах от дороги недавно здоровенная осина рухнула, так под корнями места о-го-го сколько! Да, наверняка Петер там и засядет: деревьев, таких, чтоб крепкие ветви низко, рядом нет, а тонкие его не выдержат, толстопуза. А вот Гюнтер и Ганс — те как пить дать в кустах засядут, и отыскать эту парочку будет всего труднее.

Тили-бом, тили-долк,
 В роще спит черный волк,
 Как проснется — вскочит
 И клыки наточит.
 Если волк тебя найдет,
 Целиком тебя сожрет!

Пауль последние слова считалочки произнес и боязливо поежился: вспомнилось ему, как весной погнался за ним оголодавший волчина. Ох и бежал же он тогда, ох и бежал! Примчался прямо к мельничным воротам, и там матерого взял на вилы мельник Хайнц, не оплошал. За волка потом сам господин бургомистр отвалил мельнику целый серебряк, а Паулю не дали даже медяка, зато всыпали так, что неделю сидеть не мог.

Считалочка, однако, кончилась, и Пауль отлепился от дерева.

— Иду искать! — крикнул он.

Справа, со стороны ручья, послышался странный звук — не то стон, не то сдавленный крик. Небось полез Уве в пещерку свою — так или крючок себе в ногу засадил или лбом о корень треснулся. Какие же они пред-ска-зue-мые...

Вот с него и начнем!

Пауль почти беззвучно скользнул к берегу ручья — сейчас как высунется из кустов, как приятеля напугает!

— Попался! — крикнул Пауль, рывком раздвигая ветки... и прикусил язык.

У пещерки, где Уве прятал лесу и крючки, стояло по колено в воде *чудище*.

Вода закручивалась вокруг белесых чешуистых ног, а Уве тряпичной куклой болтался в очень длинной руке, тоже белесой и чешуистой. Кровь пузырилась в ране у него на горле, текла тонкими струйками по груди, по ногам, крупными каплями срывалась в прозрачную воду. Там, куда падали эти капли, вода становилась мутной и розовой.

Чудище фыркнуло, почувяв Пауля: видеть его оно никак не могло — вместо глаз на плоской морде имелись лишь неглубокие ямки. А потом на белесой шее вскрылись широкие надрезы с алой изнанкой — будто жабры у рыбыны, и вывернулись наружу толстые губы круглого, похожего на присосок рта: мальчик увидел несколько рядов мелких полупрозрачных зубов и хлыстом бьющийся во рту язык — тонкий и тоже усаженный зубами.

Развернувшись, Пауль побежал — так быстро, как не бежал никогда раньше. Разве что весной от волка... нет, еще быстрее! Он слышал, как что-то большое и сильное с треском проломилось сквозь кусты, как затопотало следом. До города недалеко — с полмили, но мерзкое уханье раздавалось уже в двух шагах за спиной. Не уйти! Ой-ей-ей!

Слева от тропы в яме под корнями выворотня мелькнула холщовая рубашка с ярким шитьем: одет Толстый Петер всех друзей лучше — его родители купцы не из последних. Впро-

чем, у других ребяташек, что играют тут в прятки, родителей вовсе нет.

— Беги! — только и выдохнул Пауль, проносясь мимо выскочившего из своего укрытия толстяка.

— Я раньше бу... — Петер не договорил, осекся и завизжал. А потом за спиной чавкнуло, хрустнуло, захлюпало, словно кто-то втягивал ртом из миски горячее молоко с густыми пенками, и от этого звука короткие полотняные штаны сделались еще мокрее, но Пауль все бежал и бежал, потому что останавливаться было нельзя, нельзя, нельзя...

* * *

...Увидев, как пронесся мимо приятель, Ганс по-рачьи пополз назад, зарываясь поглубже в кусты. Вылезти из укрытия и припустить следом он даже не подумал — уж очень напугал его недавний визг, и слишком перепуган был Пауль. Да и как сбежишь, когда где-то рядом в гуще шиповника спрячется брат?

— Гюнтер! — зашептал он на ходу. — Гюнтер, ты где?

— Чш-ш-ш! А-ай!

Справа вдруг затряслись, закачались зеленые ветки, и снова вскрикнул брат. Забыв о собственном страхе, Ганс рванулся на крик. Злые колючки прочертили по коже белые штрихи царапин, мальчик зашипел от боли и досады... и вывалился на тропинку.

— Гюнтер! Гюн...

Брат лежал под молодым дубом, безвольно раскинув руки, а над ним склонился человек в темной сутане и веревочных сандалиях. Монах! Слава Спасителю!

— Дяденька! — Ганс шагнул вперед, да так и застыл на месте, внезапно разглядев в руке божьего человека короткую дубинку.

— Тихо, сынок, не бойся, — человек в сутане поднял голову, глянул на обомлевшего мальчишку и улыбнулся. Одними

только губами улыбнулся, глаза у него остались холодными и злыми. Тут затрещали кусты, на тропу из зарослей выломился другой монах — крепкий и плечистый, как плотогон. Этот не улыбался, лицо его все перекошилось от ярости, столь дикой и злобной, что Ганс поневоле попятился.

— Постой, малыш, — первый незнакомец уже шел к нему, подняв руку в успокаивающем жесте. — Тут дружку твоему вроде худо стало...

Ганс пятился, не в силах оторвать взгляда от дубинки монаха. Навершие ее влажно поблескивало... Точно такой дубинкой дядька Фридрих забивал к ярмарке поросят.

Прочь отсюда! Прочь! Что есть мочи мчаться к мельнице, звать на помощь взрослых! А Гюнтера, наверное, заберет к себе Иисус, ведь душа у него была добрая и чистая...

Он не увидел, как прямо за его спиной возникла огромная фигура. Не человек — настоящий великан беззвучно шагнул к мальчику, и, едва тот повернулся, решившись спастись бегством, сильные пальцы сжали горло ребенка. Ганс с ужасом ощутил, как его приподнимают над тропой, точно кутенка, затрепыхался в железной хватке, замолотил ногами, а потом зажмурился, увидев падающий из поднебесья громадный кулак.

* * *

Ганс обмяк в руках у гиганта, и Альма ладонью зажала себе рот, чтобы не закричать, сразу поняла: если пикнет — тут ей и конец. Кошкой она скользнула под еловые лапы, на четвереньках пробежала весь ельник насквозь, а там уж вскочила и припустила к реке вспугнутым зайцем.

Уже возле вырубki чуть не померла со страху, когда кто-то выпрыгнул, шипя, из зеленой крапивной стены. Взвизгнула, шарахнулась в сторону, да только теперь и разглядела: это же Пауль! Охает, трет обожженные ладони.

— Чтоб тебя черт сожрал! Чего наскокиваешь?! Там такое...

Тут она увидела его лицо, и слова встали ей поперек горла. А Пауль молча схватил девочку за руку, поволок за собой, и вот уже оба они мчались к городу, задыхаясь, выбиваясь из сил, но с каждым шагом все больше отрываясь от погони.

За их спинами вздрагивали, будто в мелких судорогах, густые заросли, и было неясно, то ли колышет их ветер, то ли творится там черное и страшное дело.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

*Окрестности имперского города Шаттенбурга
(Shattenburg)
Германия, Саксония, к северо-востоку от Цвикау
Сентябрь 14... года*

— Попробуйте еще вот этот паштет, отец Иоахим, — предложил барон Ойген фон Ройц. — Гусятина с базиликом и прочими травами.

— Благодарю, благодарю, — цыкнул зубом инквизитор, поддвигая широкую тарелку поближе. — Ваш повар не перестает удивлять меня, право слово. Большой искусник! Пожалуй, он не ударил бы в грязь лицом даже на пирах Лукулла. И как только умудряется сохранять паштет свежим целыми неделями?

— Это его личный секрет, — усмехнулся барон. — Даже я толком не знаю, в чем там суть. Хотя и не очень-то интересовался, признаться. Слышал только, что, прежде чем набить паштет в горшок, повар долго греет посудину в печи, а набив, заливает сверху салом.

— Надо же... Путешествуем в глуши, а стол таков, будто мы приглашены на обед к королевскому министру! И да простятся мне эти слова, но я рад, что сегодня не постный день!

— Благодарю, святой отец. Я передам повару ваши восторги.

Возок переваливался на ухабах, поскрипывали оси, снаружи доносилось всхрапывание лошадей, негромко переговаривалась

о чем-то охрана. Узкие оконца пропускали мало света, так что, прежде чем подать обед, оруженосец занавесил их шторками и зажег висевшую над столом лампу под стеклянным колпаком. Заправлена она была самым чистым маслом, поэтому запах не перебивал ароматов трав и пряностей. Сотрапезник должен это оценить. Впрочем, фон Ройц старался не столько для него, сколько для себя. Лампа раскачивалась; по стенам, набранным из широких дубовых досок и обтянутым тканью, метались тени.

— Умм! — Инквизитор с видимым удовольствием облизал деревянную ложку. — Паштет и впрямь удался на славу! Какое достойное завершение прекрасной трапезы!

— Ну почему же завершение? Есть еще очень славный травяной настой: рецептов мой повар знает великое множество, — фон Ройц поставил на стол круглобокий глиняный кувшин, над которым поднимался парок. — Его готовят из листьев ежевики, малины, крапивы, земляники и яблочной кожуры. Он не только вкусен, но и снимает тяжесть от обильной еды.

Священник только восхищенно потряс головой.

— А кроме того, есть груши, финики и... сахар.

— Сахар, говорите, — подозрительно скривился отец Иоахим. — Сарацинская сладость.

— Увы, — фон Ройц развел руками, и поддетая под дублет¹ тонкая кольчуга чуть слышно звякнула, — язык не поворачивается, но нельзя не признать, что магометане кое в чем преуспели лучше честных христиан.

— И вы не гнушаетесь пользоваться их достижениями.

— Что ж, у нас, детей Адамовых, не столь много радостей в юдоли нашей, чтобы отказывать себе в возможности пользоваться хотя бы одной из них.

— Мнится мне, что вы желаете подначить меня, барон, а то и спровоцировать на диспут, — отец Иоахим лишь расслабленно махнул рукой и откинулся на набитую тонкой шер-

---

¹ *Дублет* — вид средневековой мужской одежды.

стью кожаную подушку; массивный нательный крест медленно, в такт дыханию, вздымался и опускался на его животе. — Но сегодня я не в настроении, ибо иные мысли меня одолевают. И меньше всего мне хочется сейчас вести споры. Тем более споры с вами.

— Как это понимать, святой отец? Как признание того, что мои скромные познания в теологии и трудах отцов церкви снискали мне толику вашего уважения за те две седмицы, что мы в пути? — улыбнулся в усы Ойген. — Или...

— Вот именно, — инквизитор вдруг подобрался, мгновенно сбросив личину расслабленного сибарита, — *или*.

«Ну наконец-то, — подумал барон. — Сколько он ждал этого момента? Проверял, задавал вопросы, но повода начать щекотливый разговор так от меня и не получил и вот сейчас, когда мы почти уже прибыли на место, — не выдержал, решил сам взять быка за рога. Что ж, самое время!»

Отца Иоахима и его сопровождающих барон фон Ройц встретил на дороге в двадцати милях от Штутгарта. У одного из людей инквизитора — паренька-писаря — захромал мул, и часть поклажи плюхнулась в грязь: лужи на раскисшей дороге были поистине гигантские. Шел дождь, и барон великодушно предложил путникам помощь. Чуть позже, за кружкой глинтвейна в его возке, выяснилось, что он и инквизитор направляются в одно и то же место. Их целью был Шаттенбург — городок, затерянный среди отрогов Рудных гор, неподалеку от границы с чешскими землями. Совместное путешествие продлилось почти две недели, и о причинах столь дальней поездки обе стороны все это время особо не распространялись. Лишь теперь, когда баронский возок сматывал под колеса последние мили пути, настало, похоже, время для откровенного разговора.

— Скажу честно, барон, пикировка с вами доставляет мне изрядное удовольствие, — заявил меж тем инквизитор, — ибо мне всегда приятно говорить с человеком, полагающимся

не на одну лишь остроту своего меча, но и на остроту разума. Вот только...

— Только что, святой отец? — Ойген не изменил ни позы, ни интонации, но глаза его чуть прищурились.

— Что вы планируете делать в Шаттенбурге, фрайхерр¹ фон Ройц?

— Вам это прекрасно известно, святой отец. Шаттенбург не относится к вольным городам, а находится под юрисдикцией короны, и я послан туда с проверкой, дабы на месте определить, какова ситуация в городе. Ибо ситуацией этой мой сюзерен в некотором роде... обеспокоен. И уверен, вы понимаете причину его беспокойства.

Отец Иоахим кивнул.

— Скажу более, барон, это беспокойство не чуждо и мне, и Святому престолу. Император боится...

— Император не боится. Император *выказывает опасения*, — ледяным голосом поправил фон Ройц.

— В самом деле, — кивнул инквизитор. — Так вот, он выказывает опасения, что *неурядицы* в восточных областях империи могут перекинуться на сердцевинные ее земли, и его добрые подданные будут страдать, я прав?

— К сожалению, обстановка в восточных землях и впрямь оставляет желать лучшего, — барон сунул в рот финик, сплюнул косточку, отпил подслащенного медом настоя.

— Уверяю вас, опасения помазанника понятны и вызывают сочувствие и в Риме, — всплеснул руками инквизитор. — Однако отношения между владыкой светским и владыкой духовным далеки от сердечных. Да, они зиждутся на взаимном уважении, но сейчас скорее прохладны, чем теплы. Нет-нет, это никоим образом не осуждение: я искренне желаю, чтобы отношения эти стали тесными и поистине дружескими. Чтобы

---

¹ *Фрайхерр* (нем. *Freiherr*) — немецкий аналог титула барона. Фрайхерр получал земельный надел от короля и был его прямым вассалом.